

Валерий КОЛПАЧКОВ

ВСЕ ЖДУ

Все жду: вот - стукнет почтальон,
Армейский треугольник вскрою,
Увижу: батин батальон
Выходит на рубеж свой под Москвою...
Еще живые, все до одного,
Кому-то тридцать, а кому-то двадцать.
А впереди лишь снег... и никого.—
И чей-то возглас: «Тишина-то, братцы!» -
А тишина и впрямь, как тишина.
Но каждый нерв натянут до предела.
Не верилось, что где-то есть война,
Хотя уже все принялись за дело.
Комбат в бинокль уставился с пригорка,
От кирок звон в промерзлой тишине,
Все сбросил батальон до гимнастёрок,
От тел горячих иней на спине.
Их завтра в полдень вычеркнут из списков,
Как выполнивших долг свой до конца...
И через: двадцать лет на обелиске
Отыщет сын фамилию отца.
Но это будет. Это только будет.
А в этот час им всем не до того.
Их на рассвете рев машин разбудит,
И там уже решится, кто кого.
Ну, а пока работа как работа,
Над полем запах от походных щей,
Уже, по грудь зарылись в землю роты,

И шрамом на снегу — зигзаг траншей.
Здесь многих путь закончится солдатский.
Забылся в чутком полусне редут...
Осталась ночь до их могилы братской,
Но мы-то знаем; танки не пройдут.
Да, мы-то знаем. Но они—не знали,
Хотя сюда лишь для того пришли,
От взрывов глохли и от ран стонали
И насмерть, до конца стояли,
Чтоб танки Дальше не прошли.
...Все жду: вот стукнет почтальон.
Но сорок раз сменились зимы,
А почта мимо, мимо, мимо...

Вторая смена (Ночная смена)

(посвящается товарищам по работе СУ-14)

Она всегда трудна, работа,
Когда на совесть и с душой.
Вранье, что будто петь охота,
Когда бетон рекой пошел.
Брезент намок, тяжел и тесен,
И дождь который день подряд.
Какие уж тут к черту песни,
Когда себе — и то не рад!
Сейчас у самой жаркой печки
Присесть бы и прикрыть глаза,
А тут в бадье забила течка,
А тут вибратор отказал,
А там, глядишь, ну как назло,
По линии пропала фаза...
Водители плюются в МАЗах.

(Да, им сегодня «подвезло»).

Им ходки дай, а здесь затор.
И сразу, будто по заказу,
Несчастья все упали разом,
Но не об этом разговор.
Когда в промокшей брезентухе
Ты ввалишься, усталый, в дом
И стянешь кирзачи с трудом,
Я знаю, будешь ты не в духе
И будешь молча есть и пить,
И все подряд в душе крестить:
Бадью, вибратор, время года,
Электриков и непогоду,
Водителей и бригадира,
Как будто это он с утра
Сверлом наделал в небе дыры,
И целый день как из ведра.
И в памяти все перебрал,
Ты и себе «вольешь» за что-то,
Но даже: если в чем-то прав,
Не вздумали проклинать работу.
Не пророни худого слова,
Не плюнь туда, откуда пьешь;
Назавтра день начнется новый,
И ты поймешь — не зря живешь.
И позабудешь о заторе
Ведь в котловане к ряду ряд
Стоят бетонные опоры,
Твои фундаменты стоят.
Тобой сработаны надежно
Уже на многие года...

Я думаю, за это можно
Побыть промокшим иногда.

Мое поколение

Мне как-то крикнули из зала:
— Зачем ты пишешь про войну?
О ней другие так сказали,
Как не придется никому!..
Да, мы под стол пешком ходили,
Когда отцы в Берлин входили.
Но нам, рожденным в сорок первом,
В том, всеми проклятом году,
Сирены вой прошёл по нервам.

И треск вагонов на ходу.

Мы вместе с молоком .впитали
Из материнского нутра
Пожарищ дым и скрежет стали
Первовоенного утра.
И в нас в те дни навек запало,
Все то, что матери видали,
Когда по свету колесили
И в голос ночью голосило,
Что, нас не в добрый час родили,
Когда, у наших колыбелей
До срока от беды седели!
А мы в неполные, четыре,
Услышав плач.в чужой квартире,
Уже всё знали наперед,
Что кто-то больше не придет.
Привыкшие к слезам и боли,
В полуголодной тишине

Как страшно были мы довольны,
Когда пришел конец войне!
Но долго привыкали к небу,
Откуда только дождик лил.
И странно удивлялись хлебу,
Который без опилок был..
И с хлебной карточкой; с полночи
Зажатой в детской пятерне
Познали очередь воочью,
Когда гонять хотелось очень
Тряпичный мяч на пустыре.
Послевоенные подростки...
Особый к ним во всем подход.
Нет, нас не гладили по шерстке,
Нет. Нас готовили в поход.
Готовили с такой любовью!
Но по уму, от всей души—
На поле, что в поту и крови,
Должны быть всходы хороши.
В любви чисты и в дружбе строги,
Мы шли по правильной дороге,
Вернее, нас по ней вели.
И мы, представьте, не могли
Одеться так, чтоб быть красивой,
Пить-есть сытнее, чем твой друг...
Непокоренная Россия,
В тебе царил особый дух:
Дух победившего народа.
Прошедшего сквозь все невзгоды.
Делившего четыре года
Все поровну, все — пополам:

Свинец и хлеб, любовь и слезы,
Разлуку, встречи, боль утрат,
Начальных отступлений грозы,
Салют победных канонад.
И этот дух — он не угас,
Живет он и поныне в нас,
Кто для себя пример нашел
В тех, кто до дому не дошел,
Кто из земли чужой и дальней
Верится пусть с одной медалью,
Но без тряпья-шмутья пришел.
И лишь в одном моя вина,
Что у меня в стихах война,
Чтоб навсегда в себя впитал я
Все то, что мать моя видала,
Когда по свету колесила
И в голос ночью голосила,
Что в час лихой меня родила,
Что мой отец с передовой
Так и не смог прийти домой...
И я хочу еще добавить,
Что позабыть никак не вправе:
Как долго привыкал я к небу,
Откуда только дождик лил,
И странно удивлялся хлебу
Который без опилок был...

Я РОДОМ ИЗ ТРУДНОГО ДЕТСТВА

Я родом из черного детства,
Из детства с военным наследством,
Где пепел да черные печи,
Чьи трубы, как черные свечи,
Просили у черного неба
Хоть корочку черного хлеба.
Я родом из серого детства,
Из детства, где некуда деться
От холода и разрухи,
Где в сорок — почти старуха,
А в десять — уже мужик,
Где жили, как шли, — напрямик
Я родом из пестрого детства,
Где не во что было одеться,
Где было ничуть не зазорно,
Что все мы пестрели узорно
То в синих, то в желтых заплатках:
Пока не хватало зарплаты
Заштопать огромное место
От Сталинграда до Бреста.-
Я родом из доброго детства,
Где мог я всегда обогреться
Под взглядом усталой соседки,
Которая, как наседка,
Делила последнюю кашу
На дружную братию нашу.
Знать мы не знали, босые,
Как трудно сейчас России
Войны отгремевшей наследство
Из нашего вычеркнуть детства.

И ВСЕ-ТАКИ...

И все-таки когда-нибудь
Я перед этим тихим домом,
Закончив долгий-долгий путь,
Как странник встану незнакомый.
Все вроде то же — и не то,
Все вроде те же — и другие,
И ветки ясеня тугие
Как будто по спине кнутом.
И подделом! За это — надо!
Да это — лучшая награда
Тому, кто блудным сыном стал.
Но чтобы этот чар настал,
Не все исхожены дороги,
И не на всех мечтах кресты,
Еще не в кровь избиты ноги,
И сожжены не все мосты

Великие не в том велики,
Что не молилися на лики,
Не в том, что личное величие
Считали делом неприличным,
Что никогда не пили всласть
Ни славу, ни почет, ни власть.
Великие лишь в том велики,
Что не меняли свет на блики,
Что божий глас им не указ,
Что говорили без прикрас,
И не для красного словца
Сжигали на кострах сердца.

ПРОВОДЫ

Извелась гармоника - от лихой кадрили,
Стар и мал на улице. В хатах ни души.
А какие взгляды души бередили,
А какие вздохи слышались в тиши!
А какие песни пелись в этот вечер,
А какие пары выходили в круг,
А какие яства выпекали печи,
А какой клубился над столами дух!
Всем селом, как водится, хлопцев провожали
Под июньским — спорым, с радугой—дождем.
Бывшие буденовцы крепко руку жали,
И шептали девушки: «Мы вас подождем...»
И молчали матери, и отцы молчали,
Лишь труба упрямая все звала в поход.
Проводы как проводы — никакой печали..
Утро. Двадцать первое. Сорок первый год.

На горе Медвежьей

В. КОЛПАЧКОВ, автослесарь АТА.

Гора Медвежья. Ночь. И все так дико,
Что невольно кажется — сейчас
Темнота прорвется страшным рыком
И сверкнет голодной парой глаз.
Даже звезды там, вверху, другие—
Никакой в них звездной красоты.
Мелкие, как раны пулевые,
На огромном теле черноты.
И встают холодные рассветы,
Желтой краски жидкие мазки,
Осветив неясно .силуэты

Лиственниц, засохших от тоски.
Дух болотный, терпкий, залежалый—
Царству гнуса миллионы лет.
Даже слуги лешего сбежали,
А лотом и он за ними вслед.
Тишина. Угрюмая, слепая,
Чуткая лесная тишина.
Разве будет здесь душа живая?
Разве дом ей эта сторона?
Но за серой полосой тумана
Дизелей не затихает рев,
Деловито смотрят в завтра краны
Стеклами своих прожекторов.

Случай на рынке

Тот небритый старик
Крыл как есть — налрямшц
. «А кого мне, скажите, бояться?
'—До Берлина добрался. До Праги дошел.,
А лотом Колыму всю этапом
 прошел... Так чего мне еще опасаться?»' Он кричал:
«Мужики! Может, вам не с руки. '. А мне лично чихать на цензуру. Что, не
видим,' как правят сегодня
 - веслом? Вон как матушку.Русь понесло—
 разнесло То ли с умысла злого, то ль сдуру. Хорошо,
если сдуру. А ежели нет? Может, здесь закавыка какая? Вот мне всунули
ваучер — хитрый
 , билет. Это вроде и деньги, а вроде и нет. Не успею
дожить с ним до рая».

ТЭн кричал: «Мужики!

Помираю с тоски.

Замените бумажку натурой!

Но по совести только, не грабьте

к — пока.

Мне и так за всю жизнь наломали

- бока. То ли с умысла злого, то ль

сдуру». И звенели медали да впалой груди, Бились

лбами вожди друг об друга. Кто-то крикнул ему:

«Эй, старик, погоди!»

И шагнул к нему с сумкой, из круга. Расступилась толпа. Кто-то хмыкнул;

«Дела..! Пять бутылок «Столичной»

натурой!»

...Русь моя! Кто ж твои затянул

.Удила

То ли с умысла злого, то ль сдуру

* К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Валерий КОЛПАЧКОВ

ПРИКРЫВАЮЩИЕ

Сжигая за собою мост -Последний шанс на возвращенье, "Трм в полный
рост.

стал над окопе 1 выдохнул:

амри, мгновенье!

Теперь, когда все позади

ёвсе сомненья отлетели, друг вспомнил: майские дожди И с крыши первые
Капели,

Избы домашнее тепло, Вкус молока и запах хлеба, И над селом родное
небо, Где так торжественно- светло,-

Скворечник на березе белой, " ту, что целовала смело

вйей деревни на виду,,

обещанье: Я приду!..

Потом с соседом; 1

С тем, что справа, О том, о сем поговорит. * за спиною переправа усть
ярким пламенем горит!

ПОСЛЕ АТАКИ

За правый берег, будь он трижды проклят. Они в ту ночь зубами
зацепились. И склоны крови досыта напились. Пока был нами этот берег
взят.

В плен - никого! Какой тут к § черту пл Когда вокруг распластаны
ребята. Когда в крови и грязи до колен Среди траншеи искали
мы комбата!

Потом, когда других, полуживых Собрали вместе после страшном -
Мы вражий спирт глушили за — За тех, кто больше не ходок в .

На убыль шла холодная луна. Вставало утро на большой планете. И так давила в уши тишина. Что нам Казалось: мы одни на свете. было нам уже на все плевать, олусырец вконец расслабил жилы. - _ знали мы, что никакая сила Нас от земли не сможет оторвать.

ШТРАФНИКИ

Нам в лоб - "55", особый, отборный батальон.

Ймбалы - то, что надо. Их видно по плечам. х командир, наверное, не меньше - фон барон И не привык, конечно, он играть по мелочам.

И вот его орлы, как будто на параде. ., ^

Плечом к плечу сподручней, надежней и верней. А пулемет-то мой стоит в заградотряде. Сюда б того, кто выдумал, что сзади он нужней!

Ах, как они идут! Прогулка,на природе!

Снабженцы наши, где ж вы? И дышло вам в ребро!

У нас в который раз патроны на исходе,

А бравые ребята спокойны на подходе

С прикладами, по-мастерски, упертыми в бедро.

Я слышу, мой сосед заматерился тоже И, явно предвкушая кровавый мордобой, С ухмылкой пошутил: Ты глянь, какие рожи: Их, точно, вся Европа кормила на убой.

Чего ж им не переть, как будто на параде? Одеты и обуты, и сыты.

Благодать! И шмаисеры в руках, как пропуска к награде, Ведь было же обещано до Волги все раздать!

Ты представляешь - жизнь.

Да что там жизнь - житуха!

Земли кругом - навалом, любую выбирай.

А если, невзначай, обнимет смерть-старуха.

Все учтено заранее - дорога прямо в рай.

Вот почему они и прут, как на параде,

А тут, куды не кинь, все тот же, братцы, клин...
Был пулемет - и тот стоит в заградотряде
И за плечами жизнь, как первый комом блин.

. Дорожки были
Шли годы в решето. чет"
Судьба бросала жрес,..
То решка , то орел , потом баланда в миске...
Но сорок первый год забрил нас под расписки
И по военным меркам нам предъявил свой счет

Вам

1у, что ж, пора и нам. Эй, там, в

* К 50-летию Победы *

Валерий КОЛПАЧКОВ

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Когда спускалась ночь на город,
Тяжелым воровом кружа,
Земля застыла ве от холода,
В дурном ^предчувствии дрожа.
Й вздрогнул старый терриковвик,
Когда вдруг понял, для чего
Людская замерла колонна
Почти в подножии его.
Потом под стон седой метели
Все долго слышалось ему,
Как, стиснув зубы, хрипло пели
Навек шагнувшие во тьму...
Нас жизнь порой бросает круто.
И чувствуя, что сдали силы,
Приди и встань хоть на миг
Пред этой братскою могилой.
Стою один у обелиска,
И трепет холодком в груди.
Огонь их душ. Он рядом, близко.
Как факел Правды впереди!

БАЛЛАДА О ПОЛИТРУКЕ

Он с ротой отходил назад,
Прорвав смертельный круг,
Катилась по пятам гроза,
И встречным не смотрел в глаза
Безусый политрук.
Но русских женщин скорбный лик

И крик простертых рук,
И смерть товарищей своих
Запомнил политрук.
И молча клятву он твердит,
Что возле каждой хаты.
Вернувшись, голову склонит
На всем пути обратном.
Ему везло уже не раз
Среди свинцовых вьюг,
Он рвался в бой, но был приказ,
И шел, сквозь зубы матерясь,
До Волги политрук.
Здесь камни плавилась в огне
И ад стоял вокруг,
Но раненый твердил во сне:
- Не здесь придет конец войне!
- Упрямый политрук.
Казалось, не было конца
Пути сплошных разлук,
Но шел, стирая гарь с лица,
На запад политрук!
Гудел в огне Днепровский вал.
Чуть слышен сердца стук.
В упор кусок свинца поймал
Товарищ политрук.
И низкий дав земле поклон,
Впервые улыбнулся –
Он долго шел сюда и он,
Как обещал, вернулся!

НАШИ ПЕСНИ

Есть песни, которые святы
На нашем пути до конца,
Их пели в атаках солдаты
На доты бросая сердца.
Те песни зарыть - не зароешь.
Те песни сжигай - не сожжешь,
Те песни штыком не возьмешь.
Да здравствуют песни-герои!
Не стонут они в отступлении,
Набатов гремят в наступлении
Они как сердец повеленье.
Вовеки не тронет их тленье!
Они навсегда рядом с нами,
Как шелка багрового знамя.
Они над Россией зарею.
Да здравствуют песни-герои!

ДЕСАНТ

Батальону Ц.Куннинова

Баркас последний отвалил
И канул в гребнях волн,
Когда к работе приступил
Десантный батальон.
Был командир на слово скуп.
Из жестких нервных губ
Приказ в три слова прост:
Окопы в полный рост!
Пока молчанье враг хранит,
Пока ревет норд-ост,
Летят бушлаты на гранит.

"Окопы в полный рост!"
Земля, родная сторона,
Родная до конца!
С рассветом ты прикрыть должна
Своих сынов сердца.
Траншеи обходил комбат,
Он знал - с рассветом будет ад,
И сразу станут без прикрас
Окопы в самый раз.
И будет батальон как рать,
И вот тогда попробуй взять
Большой земли форпост.
"Окопы в полный рост!"

*30 лет назад было, закончено строительство железной дороги
"Абакан—Тайшет", которую тогда называли трассой мужества. Эти
стихи писал я на этой трассе.*

В. КОЛПАЧКОВ

От Тайшета к Абакану

Задумчиво сосны глядели
И в недоуменья гадали,
Когда мы, согласно планшету,
Свой кольшек вбили в Тайшете.
Шестьсот сорок семь километров
Сквозь горы, болота и ветры.
Мы их пополам поделили
И рукава засучили.
Глаза заливало нам потом,
Во сне даже снялась работа,

И руки немели ночами,
Но мы, стиснув зубы, молчали.
Нашлись и другие - заныли,
Как будто их силой тащили.
Мы их по утрам не будили
И ночью они уходили.
А нас, нас порою качало,
А было ведь только начало,
А там впереди за горою
Вставала другая гора.
Писали про нас, мол, «герои».
Но горы не взять на «ура».
Не взять на «ура» и болота
И эти шальные снега.
Упорно, с большой неохотой
Вглубь отступала тайга.
Но шли мы упрямые в деле,
Хоть были не раз на пределе,
Вгрызались в трясину и камень,
В планете упершись ногами.
Мы знали, что день наш придет
И жадно глядели вперед.
И как же мы верили рьяно,
Что через ветра и бураны,
Такие же парни упрямо,
Шагают к нам из Абакана...
Задумчиво сосны глядели,
Как шапки над трассой летели,
И в недоуменьи молчали,
Когда мы друг друга качали.

Бах

Над палаткой всю ночь ветра
И палатка вросла в снега,
И на черные угли костра
Исподлобья глядит тайга.
А в палатке обжитый дух
И продымленных запах рубах,
И волшебными волнами фуг
Из транзистора льется Бах.
Только встречи у нас впереди,
Только сопки гряда за грядой.
Осторожно к усталой груди
Отпускается вечер седой.
Завтра снова идем вперед,
Завтра новая тяжесть в руках,
А пока все куда – то плывет,
Никого. Ничего. Только Бах.

Про нас друзья еще споют
И не одну поэму сложат,
И про таежный неуют,
И про костры по бездорожью,
Про пот, что терпко сжег глаза,
Нам ли не знать, как мы потели,
И как не пятились назад,
Идя сквозь топи и метели,
Как шли дорогу прорубая,
Круша расчеты все не раз,
И как зелено-голубая
Тайга приветствовала нас.

Песня «Бригантиной» называется,
Этой песней юность начинается.
В путь-дорогу юность собирается,
Песня в рюкзаки к ней забирается.
Эта песня по горам шагает,
Эта песня по пескам шагает,
Эта песня по лесам шагает.
Где она, спросите, не бывает?
Не берет ни в чем ее усталость.
Ни на сколько, даже ни на малость.
Там, где эта песня появляется,
Чтёловек как парус, напрягается.
Эта песня честным посвящается.
Эта песня смелым посвящается.
«Бригантиной» песня называется!

ПЕРЕПРАВА

Ну что, братва, кончай дымить табак,
Сегодня ночь медалей "За отвагу"!
Там, впереди, в бетон зарылся враг,
А за спиной приказ: "Назад ни шагу!"
Вина вине, конечно, тоже рознь.
Но коль судьба нас собрала в штрафбаты.
Ее мы кровью - вместе и поврозь
Сегодня смоем на холмах горбатых.
Недаром днем точили мы штыки.
Пусть этой ночью содрогнутся звезды!
Когда в прорыв рванутся штрафники,
Просить пощады будет просто поздно

Нам эта переправа - в горле кость.
И ей вовек уже не позабыться.
Готовь себе гробы, незванный гость,
Лишь дай нам, Бог, за берег зацепиться!
Уж там пойдём крошить наверняка,
Чтоб никому из них не отвертеться.
Сегодня путь один у штрафника –
Пройти сквозь воду и в огне согреться.
Нам- только медных труб не услышать.
Они пока что за семью замками.
Плевать! Нам бы до берега достать
И ухватиться намертво руками!
Мы здесь своими взяты на прицел,
А там - "на мушку" вражьего расчета...
Но каждый верит, что он будет цел
И что сполна свои сквитает счета.
Так Поклянёмся помнить этот час,
Кому в рубашке выпало родиться,
Ведь переправа многих спишет нас,
Но дай нам, Бог, за берег зацепиться!
Ну что, 'братва, кончай, дымить табак!
Уже ракетой небо опалено.'
Теперь дрожи за пулеметом, враг *
Идут в прорыв штрафные

*Ветеранам. Великой
Отечественной посвящая
с любовью*

Вальс-расставание

Ну, что ж, друзья, обнимемся,
А может быть, не свидимся.
Время, как и реки,

Ще воротишь вспять.
Пусть надежда теплится.
Чтоб нам снова встретиться.
Сколько все, что было,
Ще вернуть опять.
УЯолько Аре, что было,
Было, да уплыло,
У1о - по буйну морю,
5?Го - по гладь-реке,
УКо кричало болью.,
У1о тихонько ныло.
Эхом отзываясь
В дальнем далеке.
Эхом откликаясь,
У оды пролетели,
У оды промелькнули -
У лазом не моргнуть.
УЯо дождем весенним,
Що седой метелью,
Х.орощо ли, плохо М1 -
Снова не вернуть.
(Хорошо ли, плохо ли...
Сколько мы не охали
Ы свою работу
Сделали сполна:
Защитили Родину
В злую непогодину,
Упрекнуть нас в чем-нибудь
Ще должна страна
Ы сейчас, как водится.

Все при нас находится,
А что было лишнее,
С налли и уйдет.
11 эта непогодица
Скоро распогодится,
Ы судьба для встречи
Место нам найдет.

Что ж, друзбог обнимемся—
Вдруг и впрямь не свидимся?
Жизнь ведь штука сложная –
Ще махнешь рукой.
Что кому заказано.
Что кому положено...
Будто после боя
Встретимся впервой.

ПОБЕДИТЕЛИ

Когда земля горела и гудела,
Вы сквозь огня и стали круговерть
Пройти смогли, верша святое дело,
Чтоб никогда ей больше не гореть.
Когда вы шли в прострелянные дали
И очищали землю-мать от зла,
Мы всех вас ждали.
Слышите, всех ждали,
Как ждет земля весеннего тепла,
А годы вихрем по судьбе промчали,
И не от ветра на глазах слеза.
Но помним мы, как в мае вас качали,

Как Белорусский вас встречал вокзал.
Вы все познали в полном смысле слова
На вашем долгом фронтовом пути,
Друзей теряя, находили снова,
И вновь теряли, чтоб опять найти.
Вам не забыть свои бывшие раны,
Но унывать вам нынче не с руки,
Так обнимитесь крепче, ветераны,
И не стесняйтесь слез, фронтовики.
Пусть годы вихрем мчатся и промчатся,
Пусть не от ветра на глазах слеза,
Пусть даст вам Бог, прощаясь - повстречаться,
Пусть Белорусский помнит вас вокзал.

Валерий КОЛПАЧКОВ,

бетонщик СУ-14 треста «Промстрой»

ШЕЛ 45-й

Я помню- все:
Народ у входа,
Часов , старинных
Мерный стук,
Гудок далекий парохода
И нежность чьих-то грубых рук.
То был апрель.
Шел корок пятый—
Четвертый год большой беды.
Друзья-, соседские ребята,
Глядят в окно, -наморщив лбы.
В дверях — иконные -старушки.

Мать без кровинки на лице.
И на соломенной подушке.
Письмо в пять строчек об отце,
Скрипя протезом дядько Яшка
Вошёл в избу, и снял картуз.
На стол, легла все -та же фляжка
Й -бочкой пахнувший - арбуз,
Меня едкой рукой сграбастав,
- он выдохнул: -«Вот так-то, браг...
Но ты не верь. Не верь—и-баста!
Считай, ошибся тот комбат.
Я. сам не раз был похоронен, .
А видишь—жив; Жаль, не в- строю...
Но нет йойны без похоронок,
Без смерти'в штыковом- бою.
На то война ВОЙНОЙ зовется,
Когда зуб за зуб, смерть-за смерть... –
Не верь, Чсынок. Отец: вернется,
Ты {только, жди." И ныть—не сметь! .
Я знал отца. Он был веселый,
Веселых нуля не берет...» ...
Вот так и шел по русским 'селам
Большой войны победный год.

Последняя ночь

Все! ЗаЯ/н/га уходим . Лоследняя ночь
В эЛом зао*ш&ом аллахом ауле.
О'н^ой ес&ь о&Лой, а коли/ сон не в мочь.
ЗТдсМь смени/Я/Яого, к/Ко аЯошЯ в карауле.

МЛак, наконецЦ-Ло последний б/юсок,
П иг/ня со сме/гЛЬ/о закончатся в н/гяЛки,
Ц к/ко-то апихи н/гО Зе/гезовмй сок
ВепшиеЛ в по/ке/нКой "афганской ЛеЛ/гадке",
Уо/ги, ны/Яевоанал наша звезда /
Мы все Лее. дождались желанной мини/Им,
Когда к авШомаЛамичныки не н^имкнц&м,
Ч.&йв' им не н/юмкни/Лься иже никогда.
Все!' У/Я/юм с/ходим. Последняя ночь.
С/Лих о*а/Яальон, как на/Я/гдженный длей. '■ -\
0>язой ес&ь о&Зой. Л коми сон не в мочь,
Ушел до /гасс&е/па с/Яоя/Яь в ка/гауле.

Б Е Т О Н Щ И К И

Опять пишу о вас, ребята,
И не боюсь высоких слов,
Пусть где-то расщепляют атом,
Бетон — основа всех основ.
Он в плитах, что на Байконуре,
Он дотами был на войне,
Под рельсы лег, что до Амура
Шагают дерзко по стране.
Стихи без музыки — не песня,
Это пока еще слова,
И труд ваш потому известен,
Что всякой стройке голова.
И говорить тут можно смело,
Не просто так, в глаза пыля,
Большое это все же дело —
Все начать .первому с ноля.
И лично мне приятно даже

Заранее знать наперед,
Что на объект (какой, не важно),
Завод ли, дом пятиэтажный,
Не каменщик и не монтажник—
Бетонщик раньше всех придет.
С его приходом и начнется
Все то, что стройкой назовется,
Когда звонки со всех сторон: —
Бетон давай! Дашь бетон!
Ваш труд благославен навеки,
Куда ни глянь—повсюду он:
Бетоном перекрыты реки,
Земля закована в бетон. ...
Вот почему пишу, ребята,
И не боюсь высоких слов,
Пусть где-то расщепляют атом,
Бетон — основа всех основ.

В КУЗНИЦЕ

Горн гудел и ярим пламенем ада,
С первым взмахом входил а в распыл,
Тяжела к обеду кувалда
И я падал спиной на "распыл".
И смеялся кузнец мой Озоля,
Рябоватый цыган дядь Василь:
«Эт пишто... Затвердеют мозоли,
Зато сколько прибавится сил.
Зато сколько прибавится хватки,
А ведь хватка нужна мужикам..."
Выходил я из кузницы шатко
И нельзя прикоснуться к рукам.

И теперь вот, когда его нету,
А от кузни пропал даже след,
Мне припомнилось давнее лето
И июльский погожий рассвет.
Я в рубашке белесой от соли,
Вдруг хлопок кузнеца по плечу:
Чтоб ты помнил подольше Озолю,
Я тебя, брат, косить обучу.
Я, бывало, орудовал ловко,
Обходил и покрепче себя,
Пусть не та уже нынче сноровка,
Но тряхну стариной для тебя!
...Он в то утро косил, как молился,
Будто древний обряд совершал,
Пар уже над спиною клубился,
А он шел все и шел не спеша.
Я стоял и глядел обалдело,
И он крикнул, с присвистом дыша:
"Будто тридцать годков отлетело!"
Знать, не зря напросилась душа.
...Как вчера это было: синь неба,
Отблеск солнца на звонкой косе,
Запах степи, вкус черного хлеба
И мы оба босые в росе.

Я - МАЗ-500

(водителям-дальнобойщикам)

Я-МАЗ-500. Не нов, но полон сил.

Среди своих собратьев числюсь в асах.

Я вдоль и поперек АЯМ исколесил,
Спроси любого, кто я есть на трассе.
И, вообще, от самых от начал,
Мой род еще не попадал в опалу,
Отец БелАЗам выстроил причал,
А дед дал воду Беломорканалу,
Тех, кто меня на белый свет родил,
Суди-ряди, но гордости не скрою,
Я никогда в пути не подводил,
Когда в кабине парень с головою.
Но, вспоминаю, был один лихач,
Меня в болото он загнал с разгона.
И вот пока к нам подползал тягач,
С него как ветром сдуло спесь и гонор.
Пока меня он как умел "крестил",
Я сердце жег на страшных оборотах
И все ж успел, уже в остатке сил,
Хоть на полтела вылезть из болота.
А он спасибо даже не сказал,
А я ведь жизнь дарил ему в ту пору.
Другой водитель трос на мне вязал
И в тот же вечер притянул к забору.
Я в гараже "раздет" был за два дня,
Мне б и сейчас простаивать там ноги,
Но один парень глянул на меня
И через месяц были мы в дороге.
И с ним, конечно, мы нашли язык,
Считай, что побратались за полгода,
И я за ним, коль надо, напрямик
Пойду спокойно и в огонь, и воду.

Ты видишь - я умыт, обут, одет
И сердце у меня не дороге не откажет...
Теперь, прости, закончился обед,
Мой друг идет. Что нужно, он доскажет.

ПЕРВОПРОХОДЦАМ

В. КОЛПАЧКОВ.

Не суетясь, по-будничному как-то,
Не ведая, в какой ушли полет,
Вы песнь такую начали, ребята,
Что вся страна который год поет!
Как было трудно, пусть не верит кто-то,
Когда под вами мерзлота плыла,
Когда порой шатало от работы !
Лишь потому, что по душе была.
Пусть не поверят, я-то знаю — выло:
Одежда — колом, за ночь—в лед вода,
Но просека все дальше уходила
И не сбивалась с курса никогда.
По древним сопкам, мшистым и горбатым,
Где вы в делах встречали свой восход,
Дорогу тянут новые ребята
И этот не закончится поход!
И верю я—на общей перекличке
Как водится и как водилось встарь,
Вас, г-чих первых, поименно, лично
Вено: т добрым словам Магистраль.
Все вспомнится. И может ли забыться,
Как вы, не суетясь, ушли в полет,
и~де было песне суждено родиться,

Хоторую страна который год поет.

Портрет

В перезаштопанной одежде
В бревенчатом селе Сосна
Я жил единственной надеждой,
что вот закончится война,
придет отец, вернемся в дом
И вот тогда-то заживем.
Как будто вовсе здесь не жили.
Как будто временные были,
уже привыкнув к волжским далям,
в чужой от дома стороне
мы все чего-то ждали, ждали...
И вот пришел конец войне.
Я помню, дождь лупил с утра
И мы сбежали со двора,
Под лодкой у реки лежали,
в игру «кто что бы съел» играли,
Вдруг кто-то весть принес: Ха-на!
В Берлине кончилась война!
Ох, как кричали мы «ура»!
Я в дом влетел, крича: Конец!
И думал, там уже отец,
Меня ждут, с матерью вдвоем и что теперь-то заживем;...
Среди прохладной тишины
Мать у бревенчатой стены.
Портрет отца на той стене.
И детство кончилось во мне.
Мне скоро быть уже седым,

А он таким же молодым
с улыбкой смотрит со стены.
Он так и не пришел с войны.
Ему все так же тридцать два,
Хоть рамка держится едва.
Ее сменить бы, но пока
Не поднимается рука:
Все кажется, за столько лёт привык
к ней даже сам портрет.

Было долго еще до Победы

Очень скоро они отлюбили
В те июньские жаркие дни.
Журавли им поход протрубили
И ушли за курганы они.
Вслед за ними ушли по дороге
Смех девичий и стон матерей.
Расселилась по избам тревога
Криком настезь ! раскрытых дверей,
Стало тесно . в просторных Светлицах,
Стало громче от тихих шагов,
Очень многим оконным глазницам
Не увидеть своих мужиков,
Еще долго ждать весточки первой,
Хоть гадай, хоть кричи, хоть молись—
Где из жести, а где из фанеры
Звезды будто грибы поднялись.
Но пока не дошли еще беды.
Затерялись в дороге следы...
Очень долго еще до Победы,
Очень близко до чьей-то беды.

Шел только 41-й

Подставив грудь военным ветрам,
К Москве текли со всех кондов
По долгим, трудным километрам
Колонны пыльные бойцов.
И сквозь хлеба, что не скосила,
Седая от разлук и бед,
Из-под ладони мать-Россия
Смотрела им с надеждой вслед.
Бойцы усталые шагали —
За взводом взвод, за взводом взвод...
И многого в те дни не знали—
Шел только сорок первый год.
Шагая днями и ночами
То по росе, то по пыли, э
Они, того не замечая,
Уже в Историю вошли.
На них еще не пишут списки—
Ни роковой, ни наградной,
Но мы-то знаем: обелиски
Потом поднимем над страной.
Но парень тот не знал, конечно,
Что после горестной страды
Живым потоком бесконечным
Мы понесем к нему цветы.
Что, пережив года лихие,
Там, где солдат навек уснул,
Непокоренная Россия

В почетный встанет караул...
Его еще ждала невеста,
И мать писала, что жива,
И на могиле неизвестной
Еще не проросла трава.
Бойцы усталые шагали
За взводом взвод, за взводом взвод...
И многого в те дни не знали—
Шел только сорок первый год.

Мое поколение

Мне как-то крикнули из зала:
— Зачем ты пишешь про войну?
О ней другие так сказали,
Как не придется никому!..
Да, мы под стол пешком ходили,
Когда отцы в Берлин входили.
Но нам, рожденным в сорок первом,
В том, всеми проклятом году,
Сирены вой прошел по нервам
И треск вагонов на ходу.
Мы вместе с молоком впитали
Из материнского нутра
Пожарищ дым и скрежет стали
Первовоенного утра.
И в нас в те дни навек запало,
Все то, что матери видали,
Когда по свету колесили
И в голос ночью голосили,

Что нас не в добрый час родили,
Когда у наших колыбелей
До срока от беды седили.
А мы в неполные четыре,
Услышав плач в чужой квартире,
Уже все знали наперед,
Что кто-то больше не придет. \

Привыкшие к слезам и боли,
В полуголодной тишине
Как страшно были мы довольны,
Когда пришел конец войне!
Но долго привыкали к небу,
Откуда только дождик лил.
И странно удивлялись хлебу,
Который без опилок был.
И с хлебной карточкой, с полночи
Зажатой в детской пятерне,
Познали очередь воочью,
Когда гонять хотелось очень
Тряпичный мяч на пустыре. '

Послевоенные подростки...
Особый к ним- во всем подход.
Нет, нас не гладили по шерстке,
Нет. Нас готовили в поход.
Готовили с такой любовью!
Но по уму, от всей души—
На поле, .что в поту и крови,
Должны быть всходы хороши.
В любви чисты и в дружбе строги,
Мы шли по правильной дороге,

Вернее, нас по ней вели.
И мы, представьте, не могли
Одеться так, чтоб быть красивой,
Пить-есть сытнее, чем твой друг...
Непокоренная Россия,
В тебе царил особый дух:
Дух победившего народа,
Прошедшего сквозь (все невзгоды,
Делившего четыре года
Все поровну, все — пополам:
Овинец и хлеб, любовь и слезы,
Разлуку, встречи, боль утрат,
Начальных отступлений грозы,
Салют победных канонад.
И этот дух — он не угас,
Живет он и поныне в нас,
Кто для себя пример нашел
В тех, кто до дому* не дошел,
Кто из земли чужой и дальней
Вернулся пусть с одной медалью,
Но без тряпья-шмутья пришел.
И лишь в одном моя вина,
Что у меня в стихах война,
Что навсегда в себя впитал я
Все то, что мать моя видала,
Когда по свету колесила
И в голос ночью голосила,
Что в час лихой меня родила,
Что мой отец с передовой
Так и не смог прийти домой...

И я хочу еще добавить,
Что позабыть никак не вправе:
Как долго привыкал я к небу,
Откуда только дождик лил,
И странно удивлялся хлебу,
Который без опилок был...

МОГИЛА КОМБАТА

• **Без** лишних слов — как там, на "поле брани,
Когда не время для красивых фраз —
Они пришли к комбату утром ранним,
Его последний выполнить приказ.
Вчера здесь были речи, были слезы,
Еще венки торжественно чисты.
Еще вчера посаженной березы
Дрожат под ветром тонкие листы.
Покой и тишь. Как перед тем рассветом,
Когда они и думать не могли,
Что прошагают чуть ли не полсвета
И **не** одни истопчут сапоги.
Скромна могила. И скромна закуска,
И чарка — в круг. Негромкий разговор.
Приказ комбата — проводить по-русски,
Как всех, что провожали до сих пор.

СОЛДАТ

На пулю нарвался, как, в стену, с разбега.
Успел лишь подумать, что не добежал
И горсть подмосковного жесткого снега
Он в пальцах немевших, как в сердце, зад>лл.
И был он так крозно причастен к Победе,
Что только лишь час долгожданный настал,
Кму приказали подняттея-и б тодн
На самый высокий шагнуть пьедестал.

ПРЕДАТЕЛЬ

Для всех, когда-то рядом живших
И проданных им навсегда,
Он никогда не станет бывшим,
Пусть даже голова седа,
Пусть даже, как лимон, весь выжат,
И вид — как будто с похорон.
Отчетливо за этим вижу,
Как рыщет по поселку он,
И в каждый дом, куда приходит
Приносит страшную беду.
И все ему пока что сходит.
Но час придет. Его найдут
Поставят перед земляками —
Дрожащего, с кривой клюкой.
И каждый взгляд сельчан — как камень,
С презреньем брошенный рукой.
...От страха взмок затылок бритый.
Все ниже ниже голова.
Ничто яжквш ве позабыто —
Святые хитрые *слова!*

Валерий Колпачков — автослесарь автобазы технологического транспорта Якутугля, и Валерий Дмитриев — машинист экскаватора УМС'12, недавно вернулись из Якутска, где проходило XI республиканское совещание молодых писателей.

Сегодня мы знакомим читателей «ИС» с новым стихотворением В. Колпачкова.

— **Валерий КОЛПАЧКОВ, автослесарь АГА**

Над палаткой всю ночь ветра
И палатка вросла в снега,
И на рыжие всплески костра
Исподлобья глядит тайга.
И в палатке обжитый дух,
И просоленных запах рубаш,
И волшебными волнами фуг
Из транзистора льется Бах.
Только встречи у нас впереди,
Только сопки гряда за грядой,
Осторожно к усталой груди
Опускается вечер седой.
Завтра снова пойдём вперед,
Завтра новая тяжесть в руках...
А пока все куда-то плывет.
Ничего. Никого. Только Бах.

